

Загадки Серафимы Блонской

М. Каминская

- В природе нет черного цвета! Черный цвет выдумали те, кто не видит солнца и не понимает, что все вокруг нас освещено солнечными лучами и потому имеет множество оттенков. Черный предмет, на который падает солнечный луч, уже перестает быть черным: в нем есть и лиловые, и синие, и зеленые тона все, кроме черного!

Так говорила Серафима Блонская ученикам первой в Таганроге Рисовальной школы.

Этот монолог писательница Наталья Образцова услышала в ее саду — он был одновременно и художественной мастерской Блонской, ее классом. Там училась Образцова, конечно, не писательница еще, а обычная таганрогская школьница. Это было в 20-х годах.

ЛИШЬ БЫ С НЕЮ РЯДОМ

Серафима Блонская была сильной личностью. Художественный талант, выразительная наружность, энергия, токи которой исходят даже от ее портрета, написанного сто лет назад, — такие натуры обладают особой притягательностью. Завораживают. Родственница Блонской вспоминала, что «в одну из петербургских зим С. И. (Серафима Иасоновна — ред.) тяжело болела брюшным тифом. Ее выхаживал изумительно преданно и терпеливо ее одноклассник — художник Александр Михайлович Леонтовский. После тифа, весной, С. И. приехала домой с коротко остриженными волосами, похожая на мальчика, сильно похудевшая, с обручальным кольцом на руке: «Я вышла замуж за Леонтовского, — сказала она».

Леонтовский чудно, страстно был в нее влюблен, рассказывали мне в Таганроге. Блонскую в качестве поощрения послали после окончания Академии художеств за казенный счет в Италию. Леонтовский — за ней. Потом он поехал вслед за ней во Францию. В Рим, Париж, Таганрог, город ее детства — все равно куда. Лишь бы рядом.

Образцова писала, что Блонская была главной в Рисовальной школе, созданной Леонтовским и ею. Так, по крайней мере, казалось ученикам. А Леонтовский... «Руки его с коротко остриженными квадратными ногтями были черны от земли — все работы в саду и на огороде лежали в основном на его плечах. Те из учеников, в чьих работах остались резкие, энергичные поправки, успели ощутить огромный талант этого художника».

Она запомнилась ученикам высокой, строгой, с прямыми темными волосами, собранными на затылке в узел, одетой в широкую синюю блузу. Он — высоким, пропахшим махоркой. Хмурый взгляд, холщовая рубаха, холщовые штаны. Блонская и Леонтовский. Два спартака. Не только трудное послереволюционное время тому причиной. Блонская с юности приучила себя: ничего лишнего! Ничем не соблазняться, чтобы ни от чего не зависеть.

ПРИТЯЖЕНИЕ БЛОНСКОЙ

Леонтовский ради Блонской готов был мчаться хоть на край света. Заворожила Блонская и Сергея Александровича Н. (назовем его так, поскольку жажда газетной известности ему чужда, афишировать себя не любит). Сергей Александрович ездил в Киев, Москву, Подмоскovie, чтобы встретиться с родственниками Блонской, детьми ее друзей, восстановить фрагменты жизни той, чьи картины так тронули его душу.

Он пришел в Детскую художественную школу Таганрога. Мол, безымянная эта школа, а хорошо бы именем Серафимы Блонской назвать...

- Идея уже витала в воздухе, — сказал мне директор ДХШ Сергей Валентинович Дараган. — Вы спросите, почему мы подумали о Блонской, когда Таганрог был осчастливлен вниманием таких прославленных мастеров, как Савицкий, Куинджи? Они здесь жили какое-то время, творили. А Блонская не только творила, но и учила детей в первой в городе Рисовальной школе, которую создала вместе с Леонтовским.

Преподаватели увидели даже нечто неслучайное в том, что несколько лет назад ДХШ переехала в другое здание и оказалась на одной улице с домом Блонской. Городская Дума их инициативу одобрила: с недавних пор ДХШ уже не безымянная.

Похоронили Блонскую в Таганроге, на городском кладбище. Было это давно, в 47-м году, много лет никто не посещал ту могилу. Ни одной буквы от звонкой фамилии «Блонская» не сохранилось, и само место захоронения невозможно было определить. Сергей Александрович и на этот счет опросил родственников художницы, сопоставил услышанное и нашел ее могилу. ДХШ хотела на том месте установить табличку с именем Блонской, сказали - нельзя. Раз нет документального подтверждения данного факта, значит, достоверно неизвестно, кто там покоится.

Но уже три года Сергей Валентинович Дараган берет по весне грабельки, метелку, прочий инвентарь и идет с помощниками на кладбище, чтобы привести в божеский вид место, где, как они думают, нашла свое последнее пристанище Блонская.

ВОСКРЕСЕНИЕ ГИМНАЗИСТОК

В Третьяковской галерее полотен Блонской нет. Но когда работники галереи увидели ее холсты в Таганрогском художественном музее, они высоко оценили ее дар и помогли увековечить ее память. Детская художественная школа имени Блонской готовится открыть в своих стенах музейный уголок Блонской. Меня поразило отменное качество экспонатов — копий дореволюционных документов, фотографий. Оказывается, спасибо за то Третьяковке. В Москве делались, по ее заказу.

Благодаря поиску Сергея Александровича теперь фотографий Блонских — на толстенный альбом. Семья, в которой росла Блонская, была большая. Все дочки талантливы: художница, писательница, музыкантша, актриса... Нашли гимназический аттестат Серафимы, кисти, которыми писала, кувшин, в котором они стояли. Но где же сами работы? Несколько холстов — в Таганрогском художественном музее. А остальные?

Одна из ее родственниц утверждала, что две картины Блонской приобрел когда-то Британский музей. Говорят еще, будто перед оккупацией Таганрога Блонская, уверенная, что ждет ее гетто и неминуемая смерть, передала все свои холсты в городской краеведческий музей. Смертная чаша ее миновала. А вот картины из музея исчезли. Вероятно, вывезли их немцы. Куда? На чьей они сейчас стене? Никогда не искали их след.

На недавнем торжественном открытии Таганрогского художественного музея после реставрации посетителям приготовили сюрприз - чудо «оживающих» картин. «Оживали» самые любимые таганрожцами полотна. Картина Блонской «Девочки. Вербное воскресенье» — групповой портрет учениц Мариинской гимназии — тоже оживала. Юные балерины, одетые в белые платица, станцевали с веточками вербы в руках перед ее полотном. Это было художественное приношение Серафиме Блонской, которая не верила в черный цвет.